

спустя какое-то время после взятия турками Константинополя¹. Но это ошибочная аргументация: легенда о змее и орле античного происхождения, предсказания же о „русием роде“ и о „Седмохолмом“ были известны и в Византии и в переводе с греческого на Руси задолго до падения Константинополя по „Видению Даниила“ и по сочинению Григория Схолария, на переводы которых автор „Истории“ о взятии Царьграда и ссылается.

Ряд других, крайне ответственных утверждений, таких, например, как следующее: „Многие подробности, связанные с деятельностью во время осады императора Константинополя, патриарха и генуэзского военачальника Джустиниани, безусловно заимствованы у греческих авторов“, — Н. А. Смирнов оставляет вообще без всяких доказательств. Н. А. Смирнов не указывает этих неведомых „греческих авторов“, хотя все сочинения на греческом языке о падении Константинополя в науке давно известны. Он не считается и с тем, что это его утверждение противоречит свидетельству послесловия (подлинность которого он не отрицает) о том, как автор „Истории“, Нестор Искандер, войдя в Константинополь, от живых свидетелей событий — „от достоверных и великих мужей“ — собирал сведения о борьбе греков с турками.

Таким образом, и Н. А. Смирнов, подобно Г. П. Бельченко и М. Н. Сперанскому, не дает окончательного и строго обоснованного решения вопроса о составе „Истории“ о взятии Царьграда турками Нестора Искандера.

Концепция Г. П. Бельченко, М. Н. Сперанского и Н. А. Смирнова вошла в современные общие обзоры по истории древней русской литературы и в учебные пособия. Принятая указанными авторами концепция тормозит решение ряда больших вопросов изучения „Истории“. Не только не решается, но и не ставится вопрос о том, что представляла собой по своему идейному замыслу, составу, форме изложения и пр. повесть Нестора Искандера о падении Константинополя, которую он „вкратце изложих и християном предах на въспоминание преужасному сему и предивному изволению божию“. Не дается при этой концепции объяснение и тому, каким образом автор „Истории“, не будучи сам свидетелем осады Константинополя, достиг поразительного единства стиля при изображении картин военных сражений, так что традиционные формулы воинских повестей органически сливаются у него с художественным описанием новой техники артиллерийских боев; не объясняется сходство в идейном и в лексическом отношении послесловия, написанного Нестором Искандером, с остальными частями „Истории“, написанными русским автором, и т. д. Всё это вызывает недоверие к данной концепции и требует пересмотра вопроса о составе и процессе создания „Истории“ о взятии Царьграда турками.

II

Вопрос о составе и процессе создания „Истории“ о взятии Царьграда турками может быть правильно решен только при всестороннем анализе и текстологическом изучении ее. Некоторые данные, добытые при таком отношении к поставленной задаче, и имеет целью дать настоящая статья.

Анализ идейного содержания „Истории“ свидетельствует о том, что в том виде, в котором она представлена Троицким списком, она

¹ Н. А. Смирнов, ук. соч., стр. 56.